

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

Гулиева (Занукова) Фаризат Хасановна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), gfariza37@mail.ru.

Статья посвящена одной из разновидностей устной фольклорной прозы карачаевцев и балкарцев. Поскольку до настоящего времени не было исследований, посвященных карачаево-балкарским религиозным легендам, основной целью работы было дать объективное представление о сущности данной группы произведений и сформулировать ее рабочее определение. Для этого, опираясь на наблюдения и умозаключения предшественников и исходя из конкретного эмпирического материала, выявлены основные свойства, позволяющие отграничить ее от смежных явлений (сказок, преданий, притч, быличек и бывальщин), после чего предлагается определение религиозной легенды как внутрижанровой разновидности. Учитываются такие критерии, как сакральность, наличие элемента чуда, установка на достоверность и т.д. На основе текстов карачаево-балкарского фольклора осуществлена внутрижанровая классификация религиозных легенд. Выделены легенды по своей сути языческие, христианские и мусульманские. В то же время в статье отмечается, что подобное деление весьма условно вследствие переплетения и наслоения различных по времени и характеру верований и представлений. Исследование показало, что лучше всего в народной памяти сохранились языческие легенды, которые позже подверглись некоторым трансформациям под влиянием христианства и ислама. Христианские легенды как таковые зафиксированы не были, число мусульманских легенд также весьма незначительно, однако встречаются переработанные библейско-коранические сюжеты, отдельные мотивы, религиозная лексика, реадаптированные к новым обстоятельствам образы.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, религиозные легенды, язычество, христианство, ислам, синкретизм.

Легенда является одним из жанров, традиционно относимых исследователями к несказочной прозе. Если углубиться в историю данного термина, следует отметить, что изначально под ним понимались тексты письменной христианской литературы, вследствие чего многие фольклористы (В.Я. Пропп¹, Н.А. Криничная², В.П. Аникин, Ю.Г. Круглов³, А.А. Ципинов⁴ и др.), считая сакральность главным жанрообразующим критерием, относили к этой группе лишь повествования о героях священной истории (христианских и мусульманских пророках, святых, шейхах и т.п.). Тем не менее в дальнейшем его трактовка стала намного шире: легендой стали называть народный рассказ, вошедший в традицию и воспринимающийся рассказчиком и слушателем как достоверный, но основанный на чуде, фантастическом образе или представлении⁵, т.е. жанрообразующим критерием здесь является элемент чуда, фантастики.

Тематический состав легенд также определяется учеными по-разному: мифологические (А.М. Аджиев, Т.М. Хаджиева), космогонические (В.Н. Морохин), этиологические (Т.М. Хаджиева) о происхождении животного и растительного мира (В.Н. Морохин), этногонические (В.Н. Морохин), языческие легенды (Х.Х. Малкондуев), религиозные / религиозно-апокрифические (В.Е. Гусев, В.Н. Морохин, А.М. Аджиев, Х.Х. Малкондуев, Т.М. Хаджиева), исторические легенды религиозного

содержания (В.К. Соколова), социально-утопические (В.Е. Гусев, В.Н. Морохин, В.К. Соколова, А.М. Аджиев), исторические (В.Е. Гусев, В.Н. Морохин, Т.М. Хаджиева), социально-бытовые (В.Н. Морохин), топонимические (Т.М. Хаджиева), сатирические (В.Н. Морохин) и др.⁶

Исходя из опыта своих предшественников и особенностей карачаево-балкарского фольклорного материала, нами было предложено деление легенд на религиозные, исторические и топонимические⁷. Религиозные легенды, являющиеся объектом изучения в данной статье, представляют собой повествования, связанные с сакральной стороной жизни их создателей. Их главным жанрообразующим элементом, как было отмечено выше, является чудо, вокруг которого строится произведение. В данном случае оно связано с древними верованиями и религиозными представлениями карачаево-балкарского народа, с именами языческих персонажей, а также героями христианской и мусульманской священной истории. Наличие чудес позволяет отграничить легенды от преданий, сказов и устных рассказов, но в то же время сближает их со сказками, притчами, быличками и бывальщинами. Однако установка на достоверность отличает их от сказок. Несмотря на то, что легендам присуща некоторая назидательность, в них нет непосредственной дидактической направленности притч, а объект повествования более «высокий» по сравнению с быличками, в большей степени связанными с суевериями и персонажами «низшей» мифологии, где фигурируют не божества, пророки, ангелы, святые, шейхи и т.п., а домовые (*юй иеси*), лешие (*агъач киши*), алмосту, шайтаны и джинны и др. Композиция их также различна. По времени создания легенды отстоят значительно дальше быличек и бывальщин, чаще всего сообщающих о событиях относительно недавнего прошлого самого рассказчика, его знакомых или предков.

Таким образом, религиозные легенды представляют собой отдельную внутрижанровую разновидность и обладают набором критериев, способствующих их идентификации (сакральность, наличие элемента чуда, установка на достоверность и т.п.).

Условно религиозные легенды можно подразделить на языческие, христианские и мусульманские. Условность эта обусловлена тесным переплетением различных эзотерических представлений в сознании их носителей, размытостью границ и проницаемостью внутрижанровых разновидностей. Тем не менее стараемся рассмотреть их подробнее.

Наиболее обширный и хорошо сохранившийся сегмент религиозных легенд составляют тексты, отражающие языческие воззрения и культы карачаевцев и балкарцев. Это сказания о языческих божествах (Апсаты и его дочерях, Тотуре / Аш-Тотуре, Аймуше и др.), мифических существах, объектах поклонения (священном дереве Раубазы, различных почитаемых камнях и т.п.)⁸, в которых повествуется о, якобы, имевших место в жизни людей различных событиях, происшествиях, связанных с ними: о наказании Апсаты, покровителем охоты и диких животных, излишне рьяных охотников, о его скорби по безвременно погибшему Тегею, о любви сынов человеческих и дочерей божеств, о различных культах (поклонение шерсти и т.п.) и обрядах (клятвы на цепи и т.п.). Во многих текстах отчетливо заметно влияние христианской и мусульманской религий, что проявляется не только в употреблении соответствующих словесных формул, замене имени Тейри Аллахом, появлении библейско-коранических персонажей, но и в постепенном снижении образов языческих божеств⁹.

Что касается христианских и мусульманских легенд, в этом случае, на наш взгляд, целесообразнее говорить о наличии в произведениях отдельных библейско-коранических сюжетов, которые к тому же чаще всего переосмысливались и переделывались в соответствии с менталитетом народа.

Христианство оставило значительный след как в материальной (различные святилища, церковная утварь, надгробные кресты и т.п.), так и в духовной культуре

карачаевцев и балкарцев. Подтверждением тому служит наличие связанных с данной религией топонимов (*Бабас сабан* «Попово поле», *Байрым юй* «дом Марии», *Байрым килиса* «церковь Марии», *Байрым къала* «башня Марии», *Байрым таи* «камень Марии»), названий дней недели и месяцев (*Геуюрге кюн* – вторник, день святого Георгия; *Бараз кюн* – среда, день святой Параскевы; *Байрым кюн* – пятница, день святой девы Марии; *Байрым ай* – февраль, месяц святой девы Марии; *Тотурну ал айы* – март, первый месяц святого Федора; *Тотурну арт айы* – апрель, последний месяц святого Федора; *Никкола ай* – июнь, месяц святого Николая и др.), трансформированных в языческих божеств персонажей священной истории (святая дева Мария – Мария / Байрым; Илья-пророк – Элия; святой Федор – Тотур и т.д.¹⁰), сказок, легенд, притч и преданий на библейские мотивы (о всемирном потопе – «*Билгич-эфенди*» («Эфенди-прорицатель»)¹¹, о Каине¹², о Нухе (Ное) – «*Гыты*»¹³, о Соломоне – «*Сюлемен*»¹⁴ и др.).

Говоря о русских христианских легендах, В.П. Аникин и Ю.Г. Круглов отмечают, что принятие Русью христианства вызвало «проникновение в языческие формы осознания реальности некоторых церковных понятий, а также фантастики библейских книг. Спустя несколько веков можно было уже утвердительно говорить о том, что место прежде существовавшего языческого осмысления жизни заступило своеобразное двоеверие – смешение языческих и христианских понятий»¹⁵. То же самое можно сказать и о карачаево-балкарских легендах. Во многих случаях новые сведения, сюжеты и мотивы переосмысливались и перерабатывались в соответствии с менталитетом, прежним мировоззрением, морально-этическими и эстетическими установками воспринимающего этноса. Все это привело к появлению произведений, в которых языческие представления (анимизм, тотемизм и др.) переплелись с элементами христианского мировидения. Таковы, например, произведения «Эфенди-прорицатель»¹⁶ и «Отчего у ласточки хвост раздвоен»¹⁷, которые правомерно признать интерпретациями библейского сюжета о всемирном потопе, однако адаптированного к конкретным обстоятельствам. В первом случае с его помощью объясняется, почему склоны Эльбруса покрыты льдом, а Арарата всегда покрыты зеленью (первая гора, побоявшись тяжести спасшихся на ковчеге людей и зверей, отказалась принять их, а вторая, несмотря на свои более маленькие размеры, пригласила их остановиться на ней). Во втором разрабатывается этиологический мотив – откуда появилась примечательная особенность у ласточки (в благодарность за то, что змея заткнула своим хвостом пробоину и спасла ковчег и его обитателей от гибели, Ной был вынужден пообещать исполнить ее желание; отправив осу на разведку, змея хотела узнать, чья кровь самая сладкая, однако ласточка помешала этим замыслам, вырвав осе язык; за это обманутая в своих надеждах рептилия попыталась расправиться с обидчицей, но только откусила часть хвоста, сделав его раздвоенным). Примечательно, что данное событие в другой легенде связывается с именем царя Соломона (Сюлемена) и не имеет привязки к потопу¹⁸.

В легенде «Каин»¹⁹ совершение первого на земле преступления, убийства, объясняется не только завистью из-за благосклонности Бога к Авелю, но и более низменными страстями: братья поссорились из-за приглянувшейся обоим девушки.

Таким образом, можно сказать, что предки карачаево-балкарцев трансформировали библейские сюжеты, чтобы сделать их более близкими к своим реалиям и доступными для понимания, внося в них элементы языческих воззрений, в чистом же виде христианские легенды в среде данного этноса не зафиксированы.

Что касается мусульманской религии, ее проникновение на Северный Кавказ было процессом сложным и поэтапным. «Исторические свидетельства, представленные в археологических, нарративных, фольклорных и этнографических источниках, позволяют говорить о том, что ислам, прежде чем стать общенациональной религией, трижды приходил к предкам современных карачаево-балкарцев – IX, XIII, XVII веках.

Если первая волна ислама объективно не могла оставить материальных памятников и обширных исторических хроник, то последующие попытки исламизации нашли широкое отражение в письменных источниках»²⁰. С собой ислам принес не только новую культуру, но и письменность: «В силу историко-культурных обстоятельств, связанных с более поздним распространением ислама, в XVIII–XIX веках в Балкарии и Карачае в повседневной жизни больше применялась арабская графика, нежели язык. Арабская графика имела также статус графики делопроизводства – переписка со столичными чиновниками, с соседними округами осуществлялась на ней. Если в начальный период становления мусульманства арабский алфавит проецировался на священные книги и арабскую культуру, со временем он стал выполнять функции национальной письменности»²¹.

Внеся столь значительные изменения в общественную и бытовую жизнь народа, ислам не мог не затронуть его устной словесности. Несмотря на более чем критические отношения к служителям культа, среди карачаевцев и балкарцев сохранилось немало преданий, легенд и притч, сказов, пословиц и поговорок, связанных с мусульманской религией.

Анализируя дагестанские религиозные легенды, М.Р. Халидова пишет: «Мусульманство, утвердившееся в Дагестане примерно с VII–XV вв., коренным образом поколебало предшествовавшую духовную жизнь дагестанского народа. Большие изменения произошли и в области народной словесности. Ислам не мог примириться с произведениями, где действовали персонажи, связанные с миром язычества. Поэтому происходит полное переосмысление древних легендарных сюжетов и образов. Ряд текстов был забыт, другие претерпели изменения в религиозно-мусульманском направлении. Кораническая мифология заняла главенствующее место. Однако архаические элементы в легендах полностью искоренены не были, в результате чего сохранились такие легенды, в которых имеет место своеобразный синкретизм языческих и мусульманских представлений народа»²². Как было отмечено выше, ислам окончательно утвердился на территории Балкарии и Карачая относительно поздно, тем не менее суждения ученого вполне успешно могут быть применены и к карачаево-балкарскому фольклору. Свидетельством тому служат не только сами религиозные легенды («Балкарская легенда о творении женщины»²³, «Легенда о Раубазы»²⁴ и др.), но и тексты мифологической поэзии и прозы, где прослеживается постепенное снижение роли и функций языческих божеств (особенно наглядно прослеживается в повествованиях об Апсаты – божестве охоты и покровителе диких животных) и возвышение значения Аллаха, а также взаимозаменяемость имен Тейри и Аллаха в различных клятвенных, благопожелательных и других формулах.

Легенд, связанных непосредственно с исламской религией, культурой, без явной примеси языческих элементов, среди карачаевцев и балкарцев зафиксировано очень мало («Конец мира, или страшный суд»²⁵, «Гифирит и джинн Сарса»²⁶). Возможно данное обстоятельство обусловлено тем, что ислам пришел вместе с арабским языком, что способствовало распространению духовной литературы в списках, созданных на основе арабской графики, а также деятельностью просветителей, общественных и религиозных деятелей, стремившихся к искоренению наследия «дремучего» прошлого и насаждению новой культуры.

Таким образом, анализ карачаево-балкарских религиозных легенд показал, что, несмотря на условное деление на языческие, христианские и мусульманские разновидности, данные произведения чаще всего представляют собой сложное переплетение различных по времени и характеру представлений. Следует также отметить живучесть языческих верований, которые сумели вобрать в себя трансформированные элементы христианства и даже после окончательного принятия ислама и идеи единобожия сохранились в остаточной форме, приспособившись к новым реалиям.

Примечания

1. *Пропт В.Я.* Жанровый состав русского фольклора // *Пропт В.Я.* Фольклор и действительность: Избр. ст. М.: Наука, 1976. С. 46–82.
2. *Криничная Н.А.* Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987. 325 с.
3. *Аникин В.П., Круглов Ю.Г.* Русское народное поэтическое творчество. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.
4. *Цитинов А.А.* Мифо-эпическая традиция адыгов. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 177 с.
5. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. энцикл., 1987. С. 177; Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 11. Ма–Мо. М.: Большая Российская энцикл., 2002. С. 102.
6. *Гусев В.Е.* Эстетика фольклора. Л.: Наука, 1967. С. 123; *Соколова В.К.* Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. С. 273; *Морохин В.Н.* Прозаические жанры русского фольклора. Хрестоматия. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1983. С. 176–177; *Аджиев А.М.* Устное народное творчество кумыков. Махачкала: Изд-во ГУП «Типография ДНЦ РАН», 2005. С. 318; *Малкондуев Х.Х.* Фольклор и фольклористика // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 13–14; *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 566.
7. *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. С. 38.
8. *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Языческие легенды карачаевцев и балкарцев // Проблемы современной кавказской и тюркской филологии и этнографии. Сб. науч. ст. Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. С. 52.
9. Там же. С. 54–56.
10. *Малкондуев Х.Х.* Балкаро-карачаевская мифология // Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев. Т. I. Мифологические и обрядовые песни и наигрыши. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015. С. 16.
11. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): В 2-х томах. Т. 1 / сост., предисловие Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эльбрус, 1999. С. 402–403.
12. Фольклор карачаевцев и балкарцев в записях и публикациях XIX – середины XX в. / сост., вступ ст. и комментарии А.И. Алиевой, Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эльбрус, 2016. С. 331–334.
13. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): В 2-х томах. Т. 2 / сост., предисловие Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 448.
14. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула... Т. 1. С. 401.
15. *Аникин В.П., Круглов Ю.Г.* Указ. раб. С. 188.
16. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула... Т. 1. С. 402–403.
17. Фольклор карачаевцев и балкарцев... С. 99–101.
18. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула... Т. 1. С. 401.
19. Фольклор карачаевцев и балкарцев... С. 331–334.
20. *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарская духовная литература: рукописное наследие. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. С. 26.
21. Там же. С. 29.
22. *Халидова М.Р.* Легенды // Традиционный фольклор народов Дагестана. М.: Наука, 1991. С. 285.
23. Фольклор карачаевцев и балкарцев... С. 96–98.
24. Личный архив Гулиевой (Занукоевой) Ф.Х.
25. Фольклор карачаевцев и балкарцев... С. 102–104.
26. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Балкарский фонд. П. 22, п. 31.

KARACHAY-BALKARIAN RELIGIOUS LEGENDS

Gulieva (Zanukoeva) Farizat Hasanovna, Candidate of Philology, Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal

State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), gfariza37@mail.ru.

The article is devoted to one of varieties of oral folklore prose of karachais and balkarians. Since until now there were no studies, devoted to karachay-balkarian religious legends, the main aim of the work was to give an objective concept about essence of the given group of works and formulate its working definition. For this purpose, leaning on observations and conclusions of predecessors and proceeding from specific empirical material, a definition of a religious legend is given, basic properties, that allow to distinguish it from similar phenomena (fairytales, stories, parables, bylichkas and byval'shchinas), are revealed, after that a definition of religious legends as intragenre variety is proposed. There are taken into account such criteria, as sacredness, presence of an element of a miracle, installation on reliability, etc. On the basis of texts of karachay-balkarian folklore classification of religious legends is carried out. Pagan, christian and muslim legends are allocated at its core. At the same time in article it is marked, that such division is very conditional, due to the intertwining and stratification of various on time and character beliefs and representations of karachais and balkarians. The study showed, that pagan legends, which later underwent to some transformations under influence of christianity and islam, were best preserved in national memory. Christian legends as such were not fixed, the number of muslim legends is also very insignificant, however there are advanced biblical-koranic plots, separate motives, the religious lexicon, readapted to the new circumstances images.

Keywords: karachay-balkarian folklore, religious legends, paganism, christianity, islam, syncretism.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-129-134